

Осмонова Б. А.

СУЛАЙМАН ТООДОГУ ЖАҢЫ ЖЫЛ – НООРУЗДУН СИМВОЛДОРУ

Осмонова Б. А.

СИМВОЛЫ НОВОГО ГОДА – НООРУЗА НА ГОРЕ СУЛАЙМАН ТОО

В. А. Osmonova

SYMBOLS OF NEW YEAR NOORUZ ON THE SULAYMAN MOUNTAIN

УДК: 330(575)

Бул макалада Сулайман Тоодогу жаңы жыл-нооруздуң символдору боюнча маалымат берилет.

Негизги сөздөр: символ, Нооруз, урп адат, Сулайман Тоо, дарак бутактары

В статье дается информация про символы Нового года Нооруза на горе Сулайман Тоо.

Ключевые слова: Нооруз, символы, обряды, Сулайман Тоо, ветки деревьев.

Key words: symbol, Nooruz, ceremony, Sulayman mountain, trees, tree, twig.

С идеей роста растений, плодородия связаны изображения деревьев “древа жизни” и веток деревьев на камнях и скалах Сулайман-Тоо (рис.7,2-3:10,1-2. 11,2-5) [1]

Е. В. Антонова, ссылаясь на В. Я. Пропп, выделяет три этапа развития образа божества растительности. “Первый” отмечен бытованием представления о дереве как вплощении сил земли. Деревья почитаются не сами по себе, как таковые, а как выражение растительной, порождающей мощи земли. На втором этапе растительная сила мыслится живущей в дереве [2:17].

О древнейших изображениях дерева, символизирующих священное дерево А. К. Амброз указывает: “Изображение священного дерева не в виде реального растения, а как бы ряды малых деревьев, нанизанных на ось, были широко распространены в религиозном искусстве разных стран” [3:21]. Изображение “древа жизни” и веток на Сулайман-Тоо, на наш взгляд, соответствует приведенным заключениям.

Анализируя орнаментальные мотивы столешницы дастархона из раскопок А. Н. Бернштама в Чуйской долине, Л. Ведутова среди них выделяет “веток деревьев” (рис.1:6), побегов вьющихся растений (рис 1:1,2) почек, как набухающих, так и распускающихся (рис 1:4,5) [5:131] и трактует их так: “Смысловое содержание этих орнаментальных мотивов маркировалось конкретизацией растительного орнамента-изображением из деревьев и растений не так таковых, а их частей – веток, что важно в контексте ритуалов, связанных с празднованием Нового года в весеннем месяце... Изображение веток деревьев с распускающимися почками, а так же веток, очищенных от листьев (1:6), выходит в круг реликтовых универсалий, связанных с ритуалом празднования Нового года – Нооруза. Обряд битья, хлестания, предметным образом которого является

ветка вербы или ивы, широко распространена и относится к явлению типологическим. В некоторых регионах в пережиточных формах он встречается и в настоящее время. Действенность этого обряда была направлена и на увеличение достатка, потомства, силы олицетворения, в целом обряд был связан с весенней тематикой и будущим урожаем [4:148].

Указанное объяснение надежно подтверждается обрядами из этнографической современности. Праздник весны в Гилгите называется “базоно”, во время которого страивается игра в поло (по К. Йеттмару) козлодранье. К. Йеттмар пишет, что смысл его – в мобилизации всех жизненных сил. С этим может быть связано и то, что женщинам дано право бить прутьями всех мужчин, идущих на площадь для игры в поло, ... [6:279]. Такое же битие прутьями происходило перед обрядовой дракой между мужчинами [6:180].

Нооруз является зороастрийским праздником, возникшим в Средней Азии в глубокой древности, и был тесно связан своим происхождением с зороастрийским кльтом огня. Происхождение Ноорза видный английский иранист М. Бойс объясняет так “Непрерывной обязанностью, которую Зороастр возложил на своих последователей, стало ежегодное празднование семи больших праздников, посвященных Ахуре Мазде, шести Амеша-Спента (высшие божества зороастрийского пантеона) и их семи творениям... Седьмое творение – огонь всегда стоял несколько в стороне от других, будучи жизненной силой, пронизывающей все творения. Поэтому и празднество, ему посвященное выделяется среди остальных. Зороастр приурочил праздник к весеннему равноденствию, использовал, по видимому, древнее празднование наступления весны, которое посвятил Аша-Вохишите («Лучшей праведности») и огню [7:45].

Е. Е. Кузьмина считает, что многие рисунки Саймалы-Таша тоже связаны с ритуалами праздника Нооруз. «Сюда (т. е. Саймалы-Таш – О. Б.), в уединенное труднодоступное место, высоко в горы, где солнце отражается в водной глади круглого озера и кажется совсем близким, приходили люди, чтобы совершить ритуальное магическое в главном годовом празднике Ноорузе – в день весеннего возрождения природы. Нооруз до сих пор остается основным годичным торжеством и у народов Средней Азии, и у индийцев [8:116].

Как видно из выше изложенного, праздник Нооруз связан не только с кльтом огня, но и с

культами плодородия, умирающей и воскресающей природы и приурочивался к весеннему равноденствию, с которого начинались весенние сельскохозяйственные работы. Оседло-земледельческие племена Древней Ферганы, вероятно, стояли у истоков возникновения и становления праздника Нооруз, во время проведения которого проводились красочные и многоплановые религиозные церемонии, обряды и ритуалы, связанные с культом умирающей и воскресающей природы, восходящий по своему происхождению к культу солнца, огня, воды и животных.

Изображение «древ жизни» и веток деревьев на камнях Сулайман-тоо (рис 7,2-3: 10,2-2: 11,2-5)[1] требуют историко-культурную интерпретацию, т.е. раскрыть их семантики, т. к. их изображения связаны с их ролью религиозных культовых обрядах, а это возможно с привлечением данных мифологии и на основе выявления этнографических параллелей.

Общезвестно, что религиозными символами являются те растения, в том числе деревья, которые по своим свойствам и качествам играли важную роль в производственной, бытовой культурной жизни людей.

Судя по «Авесте» в Средней Азии роль священного дерева издревле играла арча – туркестанский можжевельник, который фигурирует под названием «хапараси» («Авеста»:14,ХVIII, 55). Там же речь идет о растении «намадка» и наши исследования позволяют видеть в этом растении «ысырык чөп», «Адырашмандын ашы»- дикую руту, гармалу, которую южные кыргызы используют как важное средство для благовонного воскурения во время совершения огнепоклоннических обрядов[9:40].

Некоторые исследователи считали о наличии связей кафирских богов с богами древних иранцев. «В Яште 13:49 мы в связи с культом фравашей читаем о почитании можжевельника, имеющим большое влияние у кафиров» [6:227]. Как известно, кафиры считаются одним из изолированных групп индоиранской общности.

В Гиндукуше деревья, как и животные, почитаются по признакам чистоты, которое связано с их местоположением «подтверждение этого видят в том, что самые прекрасные и душистые цветы растут высоко в горах. Но средоточием той чистоты, которая воспринимается одновременно и как святость, считается можжевельник – “арча”. Это может быть связано с его произрастанием в самых высоких местах, где он служит зимним кормом для майаро (так что их мясо якобы приобретает вкус мож-

жевельника). “во многих обрядах его употребляют как символ божественного начала. Возможно при этом играет роль аромат, несравненно более сильный, чем европейских разновидностей этого растения. Наиболее резко ощущаются ароматические масла, когда жгут его хвою,... поэтому нередко дым тлеющих на сковороде ветвей служит для очищения. И уже повсеместно он применяется для создания религиозной атмосферы [6] вероятно, его листва содержит какой-то наркотик, который помогает шаманам впасть в транс, когда можжевельник жгут и вдыхают его дым. С этим вполне согласуется то, что веточки арчи втирают в десны и при этом достигают такого же действия, как при употреблении насвара (кырг. насвай) которому ее, кстати подмешивают... вполне понятно, почему использовали дым для очищения людей, животных, а также домов и хлевов. В Гилгите сообщают, что танец с жаровней, в которой тлел можжевельник, мог привести в праздничное настроение всех собравшихся. Поэтому не удивительно, что это дерево считалось воплощением божества”.

Арча в Гилгите и почти во всем Гиндукуше используется во всех религиозных обрядах и церемониях, особенно во время проведения календарных праздников является символом плодovitости - рождения потомства.

Литература:

1. Малтаев К. Ж. Сулайман-Тоо древнейший поднебесный храм в Центральной Азии. Ош. 2000.
2. Антонова Е. В. Орнаменты на сосудах и “знаки” на статуэтках анауской культуры (проблемы значения) // Средняя Азия и ее соседи, -с.17.
3. Амброз А. К. Ранне земледельческие культовые символы (“ромб с крючками”) // С. А. 1965. №3., - с.21.
4. Ведутова Л. Архаичные представления в ранне средневековой художественной культуре Кыргызстана в свете восстановительных ритуалов // Древний и средневековый Тянь-Шань., - с.46,148,149.
5. Бернштам А. Н Труды Семиреченской экспедиции Чуйская долина, МИА. №14. М.-Л.1959., - с.131.
6. Йеттмар К. Религии Гиндукуша. М. 1982., - с.279, 180, 227
7. Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. М. “Наука”. 1988., - с.44-45.
8. Кузьмина Е. Е. Древнейшие скотоводы от Урала до Тяньшаня. Фрунзе. “Илим”. 1983.- с.116.
9. Асанканов А., Малтаев К. Ж. Обряды культа огня у кыргызов \ Новое о древнем и средневековом Кыргызстане. Б. “Мурас”. 1997. Вып.2. – с.40.

Рецензент: к.и.н., доцент Акматова А. Т.